

С. Дороватовский, А. Чарушников

**Очерки реалистического
мировоззрения**

**Сборник статей по философии,
общественной науке и жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Дороватовский**
Очерки реалистического мировоззрения: Сборник статей по философии, общественной науке и жизни / С. Дороватовский, А. Чарушников – М.: Книга по Требованию, 2014. – 674 с.

ISBN 978-5-517-97206-4

ISBN 978-5-517-97206-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лами, замѣняющими идеалы. Все это разыгрывалось и на нашихъ глазахъ—за послѣдніе годы, и не закончилось еще до сихъ поръ.

Въ такіе моменты передъ реализмомъ выступаетъ новая важная задача: не допустить, чтобы идейное разслабленіе, чтобы умственная деморализація глубоко проникла въ психику мыслящихъ элементовъ общества, обличить безсиліе и бесполезность старыхъ фетишей, вновь вытащенныхъ на Божій свѣтъ изъ подземелій и гробницъ прошлаго, помѣшать вредному наркозу расшатать интеллектуальное здоровье трудовой интеллигенціи. Задача эта становится особенно важной въ такомъ культурно-юномъ обществѣ, какъ наше, которое не имѣетъ за собою глубокихъ традицій серьезной умственной работы многихъ поколѣній, которое не можетъ болѣзнямъ мысли противопоставить большой силы наслѣдственнаго сопротивленія. Реализмъ долженъ показать, что идейное возвращеніе къ типу предковъ есть только вырожденіе, болѣзань, не болѣе, долженъ выяснитъ происхожденіе этой болѣзни и отмѣчать всѣ ея проявленія. Противъ спутанности и произвола метафизически-больного мышленія реализмъ долженъ выставить отчетливость и строгость своей точки зрѣнія.

Реализмъ учитъ, что познаніе должно прежде всего оставаться вѣрнымъ самому себѣ: надъ нимъ должно господствовать только то чувство, которое есть радость и боль познанія, только та воля, которая есть воля къ познанію. Вмѣшательство всякаго иного чувства, всякой иной воли въ дѣла познанія реализмъ безусловно отвергаетъ. Для него существуетъ только истина и ложь, только къ чистой истинѣ онъ стремится, какъ бы сурова она не была, и не позволяетъ познанію подчиняться какой бы то ни было иной потребности человѣческой души. Въ этомъ смыслѣ онъ есть чуждый компромисса, *чистый идеализмъ познанія*.

Исторія показываетъ, что — въ познаніи и въ практикѣ — тамъ, гдѣ выступали на сцену великія антагонистическія силы, истина никогда не была въ „золотой серединѣ“ между ними: ни въ борьбѣ язычества и христіанства, ни въ борьбѣ католицизма и реформаціи, ни во всякой иной борьбѣ неподвижности и прогресса. Истинная сила не измѣняетъ себѣ, и до конца проводитъ свою тенденцію. Неуклонная послѣдовательность въ познаніи и неуклонная послѣдовательность въ жизни—это два проявленія одного и того же принципа. Теоретическій реализмъ, какъ выраженіе этого принципа въ сферѣ познанія, и практической идеализмъ, какъ выраженіе его въ сферѣ жизни, — родные братья ю духу.

Современный реализмъ находитъ, что познаніе есть одно изъ проявленій жизни, и что тѣ законы, которые устанавливаетъ оно для всего царства жизни, тѣ законы оно устанавливаетъ и для самого себя. Одинъ изъ этихъ законовъ говоритъ, что наиболѣе полная и сильная жизнь есть жизнь цѣлостная и гар-

моничная: это значитъ, что наиболѣе совершеннымъ и могучимъ познаніемъ должно являться познаніе единое и стройное; это значитъ, что истина монистична. Современный реализмъ враждебенъ эклектизму, онъ считаетъ его признакомъ слабости, выраженіемъ жалкой, дисгармоничной жизни. Онъ ведетъ борьбу за *монистическій идеалъ познанія*.

Эклектизмъ есть своего рода профессиональная болѣзнь интеллигенціи. Группа, занимающая промежуточное мѣсто среди сильныхъ общественныхъ классовъ, постоянно колеблющаяся въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, интеллигенція отражаетъ эти черты своего бытія на своемъ мышленіи. Правда, чисто философскій эклектизмъ и здѣсь находитъ уже мало сторонниковъ; но въ области социологіи, науки, которая приобрѣла въ нашу эпоху самое важное жизненное значеніе, въ этой области эклектизмъ держится очень упорно; и защищающая его позицію „русская социологическая школа“, несмотря на серьезныя пораженія, нанесенныя ей очевидными фактами жизни и полемикой ея противниковъ, все еще пользуется значительнымъ вліяніемъ. Покончить съ этимъ эклектизмомъ въ послѣднихъ его убѣжищахъ, поставивши его на очную ставку съ реальной жизнью и точными методами науки, такова одна изъ главныхъ задачъ современнаго реализма въ общественной наукѣ.

Мы намѣтили здѣсь только самыя общіе контуры реализма, какъ мы его понимаемъ; ближайшему выясненію его основныхъ идей посвящена вся предлагаемая книга. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю понятіе о той концепціи реализма, которая, по нашему глубокому убѣжденію, является единственно истинной для современнаго міра. Будетъ время — ее смѣнить новая, высшая точка зрѣнія, — но возникнетъ именно *изъ нея*, какъ ея родное дитя, какъ новая, болѣе полная и совершенная реализація тѣхъ же самыхъ жизненныхъ тенденцій. Познаніе побѣждаетъ природу на пути реализма и съ этого пути оно не свернетъ. Вѣрный путь къ побѣдѣ надъ природою—это и есть истина.

Реализмъ единъ, какъ истина, но въ то же время, какъ истина, многостороненъ. Въ предлагаемой книгѣ читатель встрѣтитъ *различныя* оттѣнки и приемы реалистическаго мышленія; но эти различія не помѣшаютъ ему отчетливо видѣть за ними *основное единство*—единство жизненной тенденціи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Осно́вы филоеофіи жизни.

I. Критическая задача философіи.

„Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить призракъ, возникающій изъ ложныхъ толкованій, хотя бы при этомъ рушились многія прославленныя и излюбленныя мечты“.

Кантъ. Критика чистаго разума. Предисловіе.

„Всякое познаніе вещей изъ одного чистаго разсудка или разума есть ничто иное, какъ призракъ, и лишь въ опытѣ есть истина“.

Кантъ. Прологомены. Приложение.

Вся жизнь человѣческаго сознанія отражаетъ на себѣ основныя и всеобщія черты объективнаго процесса жизни. Она представляетъ непрерывное возобновленіе, непрерывный процессъ разрушенія и созиданія, траты и накопленія, критики и творчества. Движенія чувства, стремленія воли, акты познанія,—все это—разныя формы утвержденія и отрицанія жизненныхъ цѣнностей, все это—исканіе, борьба, творчество жизни. Нарожденіе новыхъ формъ жизни есть отмираніе старыхъ,—и все культурное развитіе человѣчества, какъ процессъ созиданія внѣшнихъ и внутреннихъ условій наибольшей полноты и гармоніи жизни, совершается путемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, преобразованія всѣхъ основъ жизни, разрушенія традиционныхъ формъ, ставшихъ, по выраженію Маркса, оковами развитія, и, наконецъ, путемъ образованія новыхъ творческихъ силъ, ведущихъ къ болѣе совершенному строю жизни, къ новому, высшему міровоззрѣнію.

Міровоззрѣніе людей представляетъ идейное отраженіе ихъ общихъ жизненныхъ отношеній, естественной и соціальной ихъ среды и всего содержанія ихъ жизни,—ея основныхъ условій и задачъ, ея стремленій и идеаловъ, борьбы и труда, страданія и счастья. Въ міровоззрѣніи объединяется непрерывная работа коллективной человѣческой мысли надъ всѣмъ міромъ опыта, надъ

всѣмъ содержаніемъ жизни; путемъ градаціи послѣдовательныхъ обобщеній пониманіе міра и жизни отъ единичнаго и частнаго поднимается къ всеобщимъ принципамъ, къ высшимъ руководящимъ идеямъ жизни. Философія представляетъ міровоззрѣніе— въ его логическомъ идеалѣ, въ формѣ законченной и стройной системы понятій.

Въ этой градаціи понятій, образующихъ философское міровоззрѣніе, низшія обобщенія составляютъ основу и опору высшихъ, свѣтомъ которыхъ озаряется все познаваемое и всѣ низшія ступени познанія. Шаткость исходныхъ положеній отражается на всей философской системѣ, подрывая достовѣрность ея высшихъ обобщеній и всѣхъ выводовъ изъ нихъ. Каждый невѣрный шагъ на пути къ высшимъ принципамъ приводитъ къ ложному освѣщенію широкой области познаваемого. Для плодотворности философскаго творчества необходимо, чтобы оно было проникнуто духомъ критики.

Въ философскихъ построеніяхъ величайшія ошибки возникаютъ изъ недостаточно строгаго, отчетливаго и глубокаго анализа понятій, образуемыхъ мышленіемъ. Понятіе есть форма познанія; та сфера дѣйствительности, отраженіе которой оно составляетъ,—это его основа, его предметъ и матеріаль. Познавательная цѣнность понятія состоитъ въ его соразмѣрности и соответствии своей основѣ, въ его обоснованности *). Сушее—всеобщій предметъ и всеобщая основа познанія; внѣ отношенія къ нему понятіе невозможно, внѣ соответствія съ нимъ—оно невѣрно.

Философскія фикціи происходятъ отъ того, что закономерное обоснованіе понятій замѣняется умственнымъ произволомъ; при этомъ понятія или отрываются отъ своей первоначальной основы, или перестаютъ ей соответствовать. Признакъ, существенно-необходимый, основной для понятія, или скрыто вынимается изъ него, или подмѣняется другимъ. Въ этомъ заключается источникъ самыхъ важныхъ ошибокъ мысли, принципиально подрывающихъ цѣль философскія направленія.

На высотахъ философской абстракціи человѣческая мысль наиболѣе самодѣятельна, но и наиболѣе далека отъ твердой почвы опыта, наиболѣе предоставлена самой себѣ. Въ верхнихъ слояхъ атмосферы слишкомъ рѣдокъ воздухъ, — и чѣмъ выше, тѣмъ меньше даетъ опоры; нужно имѣть или могучія крылья, или слишкомъ легкій вѣсъ, чтобы подняться туда, „гдѣ носились лишь туманы, да цари-орлы“... Но сила трезвой философской рефлексии болѣе рѣдкій даръ, чѣмъ способность возвышеннаго паренія, и въ высокой области философіи этотъ творчески сгустившійся туманъ только заслоняетъ свѣтъ. Гдѣ мало свѣта и много тумана, тамъ труденъ путь къ истинѣ,—а это ставитъ философіи

*) „Познание есть обосновывающее мышление“. Вундтъ. Система философіи, стр. 55.

прежде всего критическую задачу: строгимъ анализомъ разсвѣять призрачныя понятія. „Люди должны возвратиться къ дѣйствительности; они не могутъ жить призраками“ (Карлейль). Кантъ, направляя свою сокрушительную критику противъ догматической метафизики, сѣтовалъ на тотъ „модный тонъ геніальничанія и свободы“, который временно подавилъ духъ философской основательности въ Германіи. Кантъ считалъ его враждебнымъ философіи, какъ строго законѣрному исканію истины.

Философія есть *миропониманіе*, обнимающее все содержаніе опыта. Философское мышленіе оперируетъ не частными понятіями объ отдѣльныхъ группахъ явленій, а всеобъемлющими обобщеніями, поднимающимися надъ цѣлой градацией болѣе частныхъ обобщеній; освободившись отъ непосредственной связи съ сущимъ, изъ котораго черпается содержаніе всѣхъ понятій, и возвысившись до всеобщихъ опредѣленій сущаго, въ которыхъ погашается всякое частное содержаніе,—мышленіе рискуетъ оторвать эти опредѣленія отъ ихъ первоначальной основы, освободиться отъ содержанія вообще и всеобщую форму исканія истины принять за высшую истину. Но всеобщая основа познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ его. За этимъ предѣломъ мысль находитъ лишь то, что приноситъ съ собой: пустую оболочку собственной дѣятельности и безжизненные призраки бытія, тѣнь эмпирии. Задача философіи—бороться съ тѣнями и призраками мысли; она есть исканіе истины, а не иллюзіи,—истины, которая есть познаніе бытія, имъ обоснованное и ему соотвѣтственное. Чтобы шире и лучше обозрѣть дѣйствительность, нужно высоко подняться надъ ней; но не такъ высоко, чтобы она скрылась изъ глазъ.

Два основныхъ отношенія проникаютъ все человѣческое познаніе: во-первыхъ, всякое обобщеніе относительно своей предметной основѣ, т. е. непосредственно-сущему; во-вторыхъ, все существующее, какъ основа мышленія, относительно сознанію, въ опредѣленіяхъ котораго мыслится все. Безпредметное познаніе и немыслимое бытіе,—это фиктивные понятія, внутренне уничтожающія себя *).

Всѣ наши понятія образовались въ процессѣ познанія дѣйствительности и выражаютъ отношеніе мысли къ ея предмету. Дѣйствительность, это—всеобщій предметъ познанія; бытіе есть познаваемое.

*) Это положеніе было прекрасно выражено еще Платономъ въ его „Государствѣ“. Сократъ въ бесѣдѣ съ Главкономъ спрашиваетъ: „Скажи: знающій знаетъ ли что-нибудь, или ничего? Отвѣтъ мнѣ за него“. Главконъ:—Отвѣчаю, что знаетъ что-нибудь. — Сократъ: „Существующее или несуществующее?“ — Главконъ:—Существующее; потому-что какъ можно знать что-нибудь несуществующее?—Сократъ: „Такъ мы примемъ за вѣрное, какъ бы часто ни разсматривалось это дѣло, что непременно существующее есть и непременно познаваемое, а несуществующее вовсе никакъ не познается.“—„Государство“, кн. V, 477.

Познаваніе есть объективно-обоснованный процесс мышленія; оно исходитъ изъ объективно даннаго бытія, какъ содержаніе опыта, опирается на него и потому не можетъ быть неэмпирическимъ, какъ не можетъ быть безпредметнымъ. Съ другой стороны, мы не можемъ полагать бытія принципиально чуждаго нашему сознанію, недостигаемаго для него, вѣ-мыслемаго; полагать—значить мыслить, опредѣлять для сознанія—именно какъ нѣчто существующее; но изъ этого основного опредѣленія не вытекаетъ никакихъ специальныхъ опредѣленій, оно бѣднѣе ихъ по содержанію; оно лишь ставитъ требованіе частныхъ опредѣленій путемъ изученія; слѣдовательно, оно сводится къ простой постановѣ научной познаваемости сущаго.

„Чистое бытіе есть чистое отвлеченіе“ (Гегель. Логика. § 87). Но отвлеченія имѣютъ различную степень общности. Чистымъ отвлеченіемъ мы бы назвали такое, которое, имѣя своей основой все познаваемое, возвышается надъ всякимъ частнымъ его содержаніемъ, надъ всѣми специальными его опредѣленіями; оно содержитъ въ себѣ всеобщее опредѣленіе предметной основы познанія, какъ таковой, слѣдовательно—простое указаніе на нее. Чистое отвлеченіе есть наиболѣе общее отвлеченіе. Исключая изъ своего содержанія всѣ частныя опредѣленія сущаго, оно всѣ ихъ включаетъ въ свой объемъ. Указывая на предметную основу познанія, какъ на полноту всякаго содержанія, оно не опредѣляетъ, *въ чемъ* состоитъ эта полнота содержанія. Но всякая болѣе общая абстракція, выросшая изъ менѣе общихъ абстракцій, содержитъ въ себѣ указаніе на пройденный путь.

Мы поднимаемся къ общимъ опредѣленіямъ подобно тому, какъ восходимъ на высокую гору по извилистой и трудной тропинкѣ, цѣпляясь за камни и кустарники, затѣмъ, чтобы съ вершины ея взглянуть на широкую и величественную панораму, открывающуюся ниже насъ: мы знаемъ, что мы не съ неба спустились на вершину горы, мы видимъ нашъ трудный путь, видимъ и другія дороги, ведущія на эту вершину, быть можетъ, болѣе прямыя и легкія. Но если мы на вершинѣ горы будемъ разсматривать только самую вершину, мы не увидимъ прекрасной панорамы, не увидимъ путей, ведущихъ на высоту; передъ нами откроется только бѣдный уголокъ земли, лишенный роскошной жизни долинъ, область чистаго, но холоднаго воздуха.

Основные пути отвлекающей и обобщающей дѣятельности сознанія фиксированы въ формахъ рѣчи и формахъ мышленія. Между ними установилось опредѣленное и необходимое соотношеніе. Содержаніе познанія можетъ быть чрезвычайно разнообразно, но логическая его обработка производится заранѣе сложившимися общими способами, въ опредѣленной послѣдовательности моментовъ, въ направленіи къ высшимъ опредѣленіямъ сущаго. Отвлекаясь отъ разнообразнаго содержанія познавательнаго процесса, можно опредѣлить общіе моменты логической обработки позна-

ваемаго, ихъ связь и послѣдовательность; можно систематически представить нисходящую градацію опредѣленій сущаго, обнимаемую высшимъ понятіемъ; но сдѣлать это—значить лишь поставить задачу и указать путь познанія, но еще не познать существующее. Познаніе, какъ таковое, неотдѣлимо отъ содержанія даже на предѣльныхъ высотахъ абстракціи; оно выдѣляетъ и комбинируетъ элементы содержанія, но не устраняетъ ихъ: невозможно понятіе съ однимъ объемомъ—безъ всякаго содержанія.

Когда нѣчто подводится подъ высшее опредѣленіе, оно въ силу этого подлежитъ ближайшимъ нисходящимъ опредѣленіямъ; но это еще не показываетъ, какъ нѣчто опредѣлится для познанія. Напримѣръ, опредѣливъ нѣчто какъ сущее, мы заранѣе знаемъ, что оно подлежитъ качественному и количественному опредѣленію, но мы не знаемъ, каково качество и количество этого сущаго; далѣе, опредѣливъ нѣчто какъ тѣло, мы заранѣе знаемъ, что оно имѣетъ опредѣленную форму и величину,—но каковы форма и величина тѣла,—этого нельзя вывести изъ его понятія. Познать что-либо можно только путемъ изученія, научнаго изслѣдованія, постепенно возводя частныя опредѣленія къ болѣе и болѣе общимъ, наполняя опредѣленнымъ содержаніемъ общія формы. Всякое содержаніе можетъ быть опредѣлено въ этихъ формахъ; слѣдовательно всякое содержаніе бытія познаваемо; и все содержаніе опредѣляется этими общезначимыми формами; въ этомъ—закономѣрность познанія. Общезначимыи формы познанія, однако, не означаютъ ихъ неизмѣнности, ихъ абсолютнаго постоянства; онѣ развиваются и измѣняются,—но всякое ихъ измѣненіе имѣетъ значеніе для *всего* содержанія опыта.

Понятіе о сущемъ, какъ закономѣрно познаваемомъ, есть понятіе *природы*,—основное понятіе научно-философскаго мышленія. Природа—это закономѣрность познаваемаго *). Всякое познаніе относится къ природѣ; вся природа насквозь познаваема; въ ней ничего нѣтъ непостижимаго, невмѣстимаго для формъ познанія. Такова сущность *натуралистическаго міровоззрѣнія*, къ которому ведетъ научно-философское мышленіе.

Когда разрывается это основное соотношеніе бытія и познанія, когда принимается непознаваемое бытіе или сверхприродное познаніе, тогда утверждается метафизическая точка зрѣнія. Если конститутивнымъ понятіемъ научно-философскаго міровоззрѣнія является *природа*, то метафизическое міровоззрѣніе конституируется понятіемъ *сверхприроды*, абсолютнаго бытія, независимаго отъ всеобщихъ опредѣленій познаваемаго.

Метафизика, какъ міровоззрѣніе, возникла задолго до системы Аристотеля, изложенной въ сочиненіи, къ которому впервые примѣнили это названіе. Исторически она явилась какъ ученіе

*) „Природа вообще—это закономѣрность явленій во времени и пространствѣ“—Кантъ. Крит. чист. раз., Трансц. Логика, § 26.

о первоосновахъ сущаго. Своей задачей Аристотель ставитъ изысканіе (*θεωρητικά*) первыхъ причинъ и началъ, первоосновъ сущаго (I кн., I гл., п. 12). „Намъ предстоитъ найти первыя причины сущаго, какъ сущаго“ (Кн. IV, гл. I, п. 1). „Философъ долженъ обладать знаніемъ началъ и причинъ сущностей“ (кн. IV гл. II, п. 1). „Больше всего знаетъ тотъ, кто знаетъ, что такое вещь сама по себѣ (*τὸ ἑστίν*), а не тотъ, кто знаетъ только, сколь велика она, какого свойства, что присуще ей дѣлать, что испытывать“ (кн. III, гл. II, п. 5). Итакъ, Аристотель, различая бытіе, какъ предметъ научнаго знанія (свойства, дѣйствія и состоянія вещей), и бытіе въ себѣ (*τὸ τὸ ἑστίν*), какъ предметъ первой философіи (метафизики), вполне опредѣленно устанавливаетъ метафизическую точку зрѣнія. Задача метафизики — проникнуть въ сущность вещей (*οὐσίαι*), въ причинную основу бытія. Первооснова бытія выходитъ за предѣлы сущаго; поэтому и мышленіе, ставя своей задачей постигнуть ее, также выходитъ за предѣлы сущаго; предметъ познанія (первооснова бытія) выходитъ за предѣлы предметной основы познанія (сущее): мышленіе становится чистымъ умозрѣніемъ (*θεωρία*).

Итакъ, метафизика опредѣляется— по своему предмету, какъ постиженіе сверхприродной основы сущаго; по своему источнику и характеру, какъ познаніе изъ чистаго разума, надъопытное мышленіе, чистое умозрѣніе; по своей цѣли.—заключенное міропониманіе. Но если монистическая цѣль метафизики такова же, какъ и цѣль научно-философскаго познанія, то ея область (сверхприрода) и способъ, какимъ она стремится достигнуть законченнаго міропониманія (чистое умозрѣніе), специально характеризуютъ ее. Во всей полнотѣ своихъ опредѣленій, во всей своей цѣльности метафизика господствовала до временъ критической философіи. Кантъ нанесъ ей рѣшительный ударъ и, собственно говоря, отнялъ почву у метафизики. Критика чистаго разума ставитъ относительно метафизики два вопроса: какъ возможна метафизика явленій (чистая физика), и какъ возможна метафизика сверхчувственнаго или вещей въ себѣ? Для Канта существенной характеристикой метафизики является *чистое* познаніе. Въ трансцендентальной аналитикѣ онъ обосновываетъ чистую физику. Въ трансцендентальной діалектикѣ разрушается метафизика сверхъ опытнаго бытія. Въ этомъ—непреходящая заслуга Кантовской критики: онъ отнялъ у метафизики ея собственную область и тѣмъ въ сущности устранилъ ее. Это не было простымъ преобразованиемъ, потому что у метафизики отнималось существенное ея опредѣленіе. Какъ *чистое* познаніе реальнаго Кантовская метафизика природы однородна съ математикой; какъ познаніе *природы* она однородна съ естествовѣдѣніемъ; и вообще она занимаетъ промежуточное положеніе между чистой математикой и опытной физикой. Въ общемъ понятіи метафизики, какъ чистаго умозрѣнія, метафизикѣ природы соподчиняется метафи-